

Э. Кассирер и В.С. Библер об Уме Кузанца

Ф.Ф. Мухамедзянов

Аннотация. В статье сопоставляются взгляды Кассирера и Библиера на проблему познания в философии Николая Кузанского. Их позиции представляют собой два логических пути решения этой проблемы.

Ключевые слова. Ум, разум, рассудок, интеллект, познание.

Николай Кузанский, мыслитель эпохи Возрождения, является «одним из ярких представителей апофатического богословия в немецкой традиции мистики»¹. Важно отметить, что «его учение оказывается на перепутье процесса развития западной цивилизации и несет в себе паттерны схоластической учености, средневековой мистики... и новых стратегий научного познания...»².

В своих трудах он определяет ряд фундаментальных философских понятий, связанных с деятельностью ума (собственно ум, рассудок, интеллект, чувственное восприятие), выявляя способы, обеспечивающие условия и единство понимания. При изучении идей Кузанца обнаруживаются причины, которые привели к крушению схоластики и возникновению идей, принципов и законов Нового времени. В связи с этим интерес к изучению наследия Николая Кузанского оказался чрезвычайно велик во всем мире.

В сентябре 2006 г. и в апреле 2010 г. в Санкт-Петербурге прошли две международные конференции «Наследие Николая Кузанского и традиции европейского философствования», где анализировались гностические мотивы, понятие знания у Кузанца и становление инструментальной философии языка, понятие природы, онто-герменевтика и др. и «Принцип *coincidentia oppositorum*: от Николая Кузанского к Николаю Бердяеву», посвященная теологии и философии Николая Кузанского и где были намечены перспективы развития принципа совпадения противоположностей в европейской философской традиции.

¹ *Coincidentia oppositorum*: От Николая Кузанского к Николаю Бердяеву / Отв.ред. О.Э. Душин. СПб., 2010. С. 34.

² Там же. С. 5.

Но нас сейчас прежде всего интересуют исследования Э. Кассирера и В.С. Библера, посвященные работе разума в философии и теологии Николая Кузанского. Эти два философа проанализировали диалоги Николая Кузанского, желая понять рациональный исток Нового времени. Хронологически надо бы начать с анализа, проделанного Кассирером. Но я позволю себе нарушить хронологию, во-первых, для того, чтобы не нарушать логики моего изложения, а во-вторых потому, что такая перестановка острее позволит обнаружить разницу взглядов Библера и Кассирера.

В книге под названием «От наукоучения - к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век» В.С. Библер раскрывает сущность понятий интеллекта, разума, рассудка и ума, опираясь на трактат Николая Кузанского «Простец об Уме», представляя эти понятия в виде своеобразных действующих лиц, героев логики Кузанца. Прежде всего, необходимо заметить, что интеллект и разум понимаются Библером как тождественные вещи. Безусловно, сам Николай Кузанский часто указывает, что и интеллект, и разум, и рассудок есть один и тот же ум.

Но прежде, чем будет определен ум, дадим его трактовку по Библеру. Определения интеллекта, который составляет тождество с разумом. Разум как интеллект мыслится как «нечто интегральное, наиболее глубокое, бесконечное основание всей познавательной деятельности человека»³. Примечательно в этом тождестве то, что в одном понятии, хотя и двумя разными словами, объединились 1) способность к вниманию, к попытке согласования осознанного и известного с тем, что открывается вновь, и нового превосхождения вновь открытого со 2) способностью мыслить и нахождения путей мысли. Можно попытаться объяснить, как разум связан с пониманием. Ибо разум всегда имеет дело с тем, что есть, понимая это «есть», а значит, он имеет дело и с тем, что может быть. Сам термин *ratio* в основе своей имеет *geri*, что означает не просто «проговаривать», но и способность к вниманию и пониманию, к проработке чего-либо. Такая сдвоенность смысла понимающего разума показывает, что человек изначально мыслит как бы двумя логиками, причем так, что они не смешиваются, а проглядывают одна сквозь другую. Более того, в разумеющее понимание входит и *предчувствие*. В человеческом разуме возникают первообразы вещей, которые он воспроизводит, будучи *конечным* образом бесконечного интеллекта, божественного разума, уделом которого является воплощение в конечном идеи бесконечного. Роль первообразов вещей играют «исходные идеи, которые нельзя

³ Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991. С.74.

свести ни к первоначальным ощущениям, ни к их рассудочной сумме»⁴. Можно даже сказать, что без идеи бесконечного вообще невозможна идея конечного.

Отличие рассудка от разумного понимания или понимающего (внимающего) разума состоит в том, что в своей работе он не выходит за пределы ощущений, которые он суммирует, систематизирует и обобщает. «Рассудок – способность умозаключения, дедуктивного вывода»⁵. Всякое рассудочное движение сводится к области эмпирического и чувственного. Рассудок двусмыслен: без ощущений, вне слова, вне имени, вне термина он ничто. Однако вместе с тем он – «способность *индукции* по отношению к *чувственным данным*; но это же – способность *дедукции* (умозаключения) *внутри* собственно *рассудочных понятий*»⁶.

Обобщает же всё полученное интеллектом-разумом и рассудком ум. От него и способности суждения, которые являются посредниками разума, зависит и форма обобщения. Способность суждения представлена как «возможность оценить силу, истинность вот этого единичного заключения, как пафос оценки данной вещи в её неповторимости»⁷. Способность суждения, согласно Библеру, у Кузанца, не может быть сведена ни к какой иной познавательной способности. Библер обращает специальное внимание на то, что умом (*mens*) у Кузанца «является то, от чего возникает граница и мера (*mensura*) всех вещей. ...его называют *mens* от *mensurare*»⁸. Когда выше мы сказали, что в понимание разума включено и предчувствие как человеческое чутье, то это предчувствие также определяется этой мерой, поскольку мы привыкли понимать знание и умение, исходя из законов логики⁹, потому здесь важно понять ум как единство разума-понимания и рассудка, ибо обмеренная умом вещь без рассудочной логики еще не может сводиться к слову или покрываться термином.

Такого рода обмеривание позволяет понять методологическую идею Кузанца не в смысле количественного измерения, а в смысле фиксации напряженности процессов, уже имеющих свою меру бесконечного. Очередь линейки и циркуля, как пишет Библер, наступает тогда, когда ум определил меру вещам, «сворачивая бесконечное в конечном»¹⁰ и тем самым делая бесконечное познаваемым, а конечное — образом вечности как мира бесконечного линейного следования. Средневековая идея Бога

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Николай Кузанский. Соч.: В 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1979. С.388.

⁹ См. об этом: Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2006. С. 245.

¹⁰ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. С. 75.

Творца требовала довести содержательность творящего субъекта до идеальной точечности, где осуществляется то, что Николай Кузанский назвал «совпадением противоположностей», где совпадают максимум и минимум, но при таком совпадении и происходит претворение логик: в точке (в силу того что она точка, то есть то, что не имеет фигуры, не может делиться, не имеет границ) субъект не может быть понят как сотворенный, он может быть понят как ничто, как абсолютно неиное. Такой субъект не может охватывать ни одного предмета, ни одной мысли, ни одного чувства, поскольку в противном случае в его определение входило бы нечто пространственное. Здесь, в точке начала бытия, все вещи мыслятся сосредоточенными в ней и, соответственно оказываются тождественными друг другу.

Круг, сжатый в точку, тождествен треугольнику, треугольник, сжатый в точку, тождествен шару, линия — кругу. «Ум делает точку границей линии, линию – границей поверхности, поверхность – границей тела...» и далее «точка, поскольку она является границей, неделима <...> не количественна...» и в другом месте «линия есть развитие точки, плоскость – линии, тело – плоскости. Поэтому если ты устранишь точку, то потеряется всякая величина; <...> она (точка) ее (всякой линии) завершение и целостность, свертывающая в себе линию»¹¹. Точка представлена Кузанцем как логический образ бесконечного, всеохватывающего субъекта. Забегая несколько вперед, скажем, что ум, оказавшись в «точечном» ничто и призванный и там уметь делать дело ума, оказался тем, что называют «мистическим разумом», обязанным воображать, рождать новые связи (не творить, а именно рождать, поскольку вся его работа в этот точечный момент сосредоточена в нем самом), обнаруживать способность умозреть отвлеченные вещи, олицетворять. Ибо превращая логику субъекта в логику бесконечного объектного движения, ум перестраивал другие способности, наделяя их при каждой новой перестройке исторически неповторимым содержанием. Библер считает, что работа разума проявляется и осуществляется только тогда, когда точка схватывает мир, то есть конечное обнимает бесконечное, никоим образом не причиняя ущерба последнему.

Парадоксальность этого образа состоит в том, что такая все в себя вбирающая точка все имеет вне себя. Пока «вещь», которой еще нет, находится внутри точки, ей еще только предстоит сотвориться. Но как только она сотворена из ничтожности точки, оказалось, что она не нуждается в сотворении, поскольку логически обнаружилось, что она есть нечто, не сводимое к точечно-ничтожному субъекту. Свертывался в точку, как

¹¹ Там же. С.421. Скобки - мои.

сказал Библер, мир Августина — Фомы Аквинского, «добытийного творящего Субъекта». А при ее развертке обнаружился мир бесконечного линейного следования, который можно измерить, мир Нового времени, уже не нуждающийся в идее сотворения: точка эта оказалась одной из множества в развернутом круге или линии.

Ум Кузанца, таким образом, представлен Библиером в момент *превращения* интеллекта, в виде исторически определенного всеобщего разума, то есть разума надисторического. В этом и состоит парадокс определения неопределенного, предполагающего возможность и его (неопределенного) непознаваемости, и его познания. Ум, безусловно, измеряет и определяет вещи, вытаскивает их из бесконечного и беспредельного небытия к бытию (этим сотворение отличается от рождения, предполагающего происхождение чего-то от бытия к бытию), делая их измеряемыми наподобие числа, после чего их можно определить как мерные, податливые для линейки и циркуля. Соотнесенные с умом интеллект, рассудок и способность суждения теперь принимают форму логических сверхзадач. Чтобы интеллект приобрел исторически определенную форму разума, он должен соотносить рассудок с идеями последнего и превращать бесконечные образы (идеи) интеллекта в актуальные (обмеренные) бесконечности вещей.

Итак, Владимир Соломонович Библер, в отечественной философской литературе впервые проанализировавший проблему рационального у Кузанца, выстроил своего рода «интеллектуальный парадокс».

Теперь мне хотелось бы сказать несколько слов о том, как понимает ум Кузанца Эрнст Кассирер в труде «Индивид и космос в философии Возрождения». Кассирер различает несколько видов ума Кузанца, называя их разумом, человеческим духом или разумной душой и, наконец, человеческим умом. Кузанец в изложении Кассирера убежден в невозможности и неспособности человеческого ума что-либо знать об истине, а точнее «он никогда не сможет ее познать такой, как она есть, с достаточной степенью точности»¹², при этом «всякое действительное и истинное познание имеет своей целью не просто отражение действительности, но всегда представляет определенную направленность духовного деяния»¹³, т.е. работу нашего ума. Ум творит арифметику и геометрию, а также музыку и астрономию, он «творец и источник научного знания - не пребывает во времени, скорее, время находится в нем. Именно он,

¹² Кассирер Эрнст. Индивид и космос в философии Возрождения // Кассирер Эрнст. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб., 2000. С.25.

¹³ Там же. С.40.

благодаря способности различения, только и проводит временные разделения и расчленения, выделяя часы, месяцы, годы»¹⁴.

Далее, ум способен к правильному пониманию вещей, «только разворачивая» из себя свою собственную сущность, а не отражая внешнюю поверхность вещей»¹⁵. Более того, Кассирер понимает ум как то, где в свернутом виде содержится возможность к созерцанию пространства и времени, от чего происходят в свою очередь числа и величины, категории логики и математика, что само собой приводит к наличию различения, разделения и, наконец, ограничения. Кассирер объясняет, каким образом все перечисленное содержится в уме, и более того, разворачивается из последнего. «В себе самом находит он простое понятие и “принцип” точки, из которого путем непрерывного полагания выводит линию, поверхность и, наконец, весь универсум протяженности; в себе же находит дух и простую мысль о “теперь”, развертывающуюся из него в бесконечную временную последовательность»¹⁶.

Благодаря способности создавать уподобления, наш ум, при возбуждении ощущений, способен уподобить себя любой форме и создать понятие о любой вещи. Когда ощущения приносят противоречивые данные о вещи, ум в образе интеллекта пытается рассудить что к чему. Интеллект, различения внутри ума, сделанные Кузанцем, – это весь ум, находящийся в процессе различающего суждения. Без интеллекта или различительного рассуждения ума всякое движение познания останется беспорядочным, хаотичным, неуясненным. Кассирер полагает, что Кузанец выводит понятие об интеллекте через его сравнение с Богом, а именно: «Как Бог создает в вещах все различения сущностей, так и человеческий интеллект осуществляет из самого себя разграничение понятий, становясь, таким образом, исконным источником гармонии, которая всегда есть соединение *противоположностей*»¹⁷. Кассирер полагает, будто Кузанец приписывает интеллекту функцию возведения вещей чувственного мира на «свою» высоту. Более того, что человеческий интеллект не способен постигнуть Бога как абсолютно бесконечное начало, как простой максимум.

Как можно было заметить, взгляды упомянутых философов культуры на проблему ума в философии Николая Кузанского иногда совпадают, а порой жестко противоречат друг другу. В то время когда Библер, разъясняя *интеллектуальное* Кузанца, выделяет интеллект, разум, рассудок и ум как разные способности одного и

¹⁴ Там же. С.41.

¹⁵ Там же. С.40.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С.41.

того же ума, Кассирер говорит об уме, представленном в виде интеллекта, без которого человеческая душа не обладала бы разумной, соразмеряющей, сравнивающей силой. Анализируя способности ума, Кассирер утверждает что, разворачивая собственную сущность, ум способен обрести понимание вещи, поскольку обладает способностью к созерцанию и пространства, и времени. Библер, исследуя ту же проблему, полагает, что способность понимания принадлежит разуму, который изначально (врожденно) содержит в себе несводимую к ощущениям и рассудку данную и возведенную истину, которую призван разгадать. Это принципиально разные позиции. Более того, он жестко показывает *переходность* ума Кузанца, обнаруживая его как границу между Средневековым умозрением и естественным зрением Нового времени.

Кассирер к тому же утверждает, что именно интеллект является *основой* происходящего в уме процесса различающего суждения, ему присуща функция упорядочивания хаотичного движения познания и заключает о невозможности интеллектуального движения без числа. По Библиеру же, процесс различающего суждения является еще только *задачей* для интеллекта, задачей подвергнуть свои способности историческому содержанию, обмерить бесконечное конечным.

Необходимо заметить сходство интерпретаций Библиером и Кассирером в том, что оба начало работы ума представляют через идею точки как *начала* - линии, поверхности и протяженности. Оба исследователя подчеркивают, что работа ума начинается с момента охвата точкой мира, когда мир или бесконечность свертывается в конкретную точку ума, т.е. когда бесконечное охватывается конечным. Так происходят в человеческом уме всякое понятие.

Но хотелось бы обратить внимание на одно кажущееся противоречие во взглядах на ум у Библиера и Кассирера: оно касается возможности познания человеческим умом истины. Библиер убежден, что, повторим, сворачивая бесконечное в конечном, ум способствует возможности познания, измерения и уловимости бесконечного. Кассирер же провозглашает обратную точку зрения, утверждая, что человеческий ум никогда не познает истину в ее собственном свете, как не постигнет и Бога как бесконечного начала. Для разрешения мнимого противоречия сравним два фрагмента из произведений Николая Кузанского. В 3 главе «О том, что точная истина непостижима» из трактата «Об ученом незнании» он пишет: «Наш конечный разум, двигаясь *путем уподоблений*, не может <...> постичь истину вещей. Ведь истина не бывает больше и меньше», «не являясь истиной, наш разум <...> никогда не постигает истину так точно, чтобы уже не мог постигать ее все точнее без конца», он «относится к истине,

как возможность — к абсолютной необходимости, не могущей быть ни больше, ни меньше, чем она есть»¹⁸. Как можно было заметить, здесь Кузанец указывает на невозможность разума познать истину, так как он находится среди вещей, уподоблений, то есть того, в образе чего содержится истина и пока наш разум пытается добиться истины, пробиться сквозь эти образы, проходит время и он умирает так и не достигнув своей цели. Разуму не хватает «времени», не хватает «шагов» для постижения истины, тогда как божественный Ум вечен, а значит, пребывает в истине. По этой причине Бог не постижим разумом находящимся во времени. Непостижим не потому, что разуму не хватает сил, а потому, что ему не достаёт времени, то есть бесконечности. Наш разум не способен постичь, но в силах постигать истину, также как знание способно продвигаться с помощью незнания.

В другом своем трактате «О видении Бога» в 13 главе Кузанец снова обсуждает проблему возможности познания истины нашим разумом: «Поистине разум должен стать незнающим и погрузиться во мрак, если хочет видеть тебя. Нельзя приблизиться к тебе, Богу и бесконечности, не погрузившись разумом в незнание, то есть без знания того, что мы тебя не знаем. Разум познает себя незнающим и неспособным тебя охватить из-за этой твоей бесконечности. Разум знает, что не знает тебя: знает, что нельзя тебя знать, не познав твою непознаваемость, не увидев твою невидимость и не подступив к твоей неприступности! Ты, боже мой, сама абсолютная бесконечность, которую я вижу бесконечным пределом, но охватить не могу, поскольку в твоём пределе нет предела»¹⁹.

Здесь важно заметить, что Кузанец фиксирует внутреннюю парадоксальность разума: с одной стороны разум знает, а с другой стороны, чем больше он знает, тем большей становится область, которую он не знает. Незнание разума – это еще непознанная им, но все же область знания. Если бы разум не мог познать то, чего он не знает, то он бы не наткнулся на незнание и не пытался его обозначить, узнать. Область незнания потому без конца увеличивается с каждым движением разума, что дается ему бесконечностью, истиной, Богом. Поэтому разум хоть и в силах брести за истиной, но так как его бытие ограничено временем, то он не способен постичь, схватить бесконечную истину. Разум замечает бесконечность истины, понимает всю бесконечность постижения незнания, но чувствует и свою кратковременность. Итак,

¹⁸ Николай Кузанский. Об ученом незнании // Николай Кузанский. Соч.: В 2-х т. Т. 1. С. 53.

¹⁹ Николай Кузанский. О видении Бога // Там же. С. 60-61.

человеческий разум конечен, развернут среди образов истины и поэтому он не способен свернуть время и познать истину.

Здесь Кузанец выстраивает две стратегии мысли.

Первая связана с возможностями разума выстраивать умозаключение на основании уподоблений. Ясно, что при этом он работает с уподоблениями вещам, а не с самой истинной вещью, которой таким путем достичь нельзя. Путь уподобления и есть то, что Библер назвал «сворачиванием бесконечного в конечном», что способствует познанию, делая бесконечное познаваемым, а конечное — образом вечности.

Вторая стратегия заключается в том, чтобы показать, что разум находится среди сотворенных, конечных вещей, то есть того, в чем содержится истина, но содержится «загадочно», как бы за мутным стеклом. Разум выполняет «пошаговые» функции, ведущие к познанию, но каждый раз, как он что-то познает, это «что-то» ведет за собой новые проблемы, позволяющие говорить о знающем незнании. Наш разум способен постичь относительную истину, а не абсолютную, которая существует отрешенно (одно из значений причастия *absolutus*), в полноте своей данной в Священном Писании человеку. Это как раз соответствует убеждению Кассирера о неспособности нашего ума постичь бесконечности или истины, Бога, и оно также обосновано словами Кузанца, который и в этом вопросе следовал принципу совпадения противоположностей.

Таким образом, оба исследователя правы в отношении Кузанца, но противоположны друг другу именно в различности логических оснований своих размышлений. Здесь представлены две различные стратегии мышления об одной вещи. Библер исследует возможности постижения истины разумом представляя его в работе, в процессе, а Кассирер говорит о разуме, который уже прекратил свое движение ввиду нехватки бесконечности во времени. Николай Кузанский подчеркивает сразу и ту и эту возможности логики рассуждений.